

Земли не ощущая под ногами, не выйти на небесную тропу...

Современная поэзия очень часто стремится уйти из пространства смыслов и с каким-то плохо объяснимым сладострастием погружается в мир вещей. В этом есть черты своего рода «материалистического блуда»

Мысль находится не только в попранном состоянии — на неё навалены груды земного мусора, бесчисленные предметы, которые нас окружают, а стихотворец подобен старьевщику или продавцу комиссионного магазина: вещи, ничего, кроме вещей и лёгкой грусти, когда рука берёт одно и откладывает в сторону другое. Такое состояние лирики вызывает в памяти сакральную фразу: большая скорее мёртв, чем жив.

Есть и другие стихи, в которых бушуют эмоции, гнев или горечь насыщают слова. Но они — словно фантомы литературы, полупрозрачны: сквозь них виден реальный мир, где предметы связаны в одно целое человеческим чувством, и именно оно даёт им число и меру подробности. Эта чуть отдалённая от литературного опуса картинка шумит и дышит, меняет свои очертания — то мало-помалу, то резко, в считанные мгновения становясь неузнаваемой. Вот такие бы свойства найти в литературе, в поэзии — и тогда жизнь обрела бы своё чудесное зеркало: когда — бытийное, когда — сиюминутное, сопряжённое с короткой человеческой жизнью...

Между тем, русская поэзия наших дней связана со многими именами, которые в полной мере отвечают подобным чаяниям. Среди них омский поэт Юрий

Перминов. Долгое время его стихи как бы обретали собственное художественное правило: выверялась интонация, ставилось лирическое дыхание. Собственно, все те признаки его стихотворений, которые можно обозначить теперь как «авторское письмо», были и прежде. Но переливы поэтического голоса, то короткая, то длинная речь, степень погружения в атмосферу повседневности и способность воспарять над плотной реальностью — всё это складывалось годами и десятилетиями, поскольку тут важна мера каждой составной части стиха и способ соединения деталей в волшебное и воздушное целое.

Юрий Перминов опубликовал восемь поэтических сборников, а в начале осени 2014-го вышла в свет большая книга его избранных стихотворений «Песни русской окраины».

Посёлок мой ночными дышит снами, не слышно никакого воронья.

С бессмертными родными небесами слобасывается окраина моя.

Полночный свет расходится кругами — Господь рассыпал звёздную крупу...

В этих титульных для издания строках можно найти множество примет поэзии

Перминова как таковой: сближение земли и неба; обыденные приметы — и чувство Бога; социальное и сокровенное; любовь к простому человеку... И — сознание собственной «певческой» роли: обозначить простыми словами, как взаимно переплетаются малое и великое, не разрушая и не подавляя друг друга, но существующая в пределах большой, протяжённой в веках русской жизни.

В стихах поэта очень много бытового — но за ним всегда угадывается бытие. Хватает сварливых характеров — но в их глубине скрыто твёрдое зерно, из которого может родиться подвиг самопожертвования или совершенно неожиданная сердечность. Окружающее пространство кажется совсем не праздничным и благостроенным — но душа включает его в свои границы и овеивает тихой любовью...

Редко у кого из современных стихотворцев читатель найдёт такое естественное отношение к повседневности: без неумеренных творческих притязаний и жалоб на непонимание вдохновенной личности, противопоставления столицы и провинции, без сердитых слов в адрес толпы и гневных филиппик по отношению к чёртовой власти. Причём невозможно упрекнуть поэта в том, что ему по душе сложившееся ныне по-

ложение вещей в родной стране и отечественной культуре. Просто он ощущает себя частью России и старается сохранять всю возможную полноту русского бытия. Не освобождая себя от вины за плохое, не покаяясь злу — но стараясь видеть и всемерно умножать добрые и светлые черты времени и человека.

У солнца, у птиц,

у хороших людей на виду, не зная куда, на какую такую потребу, по городу молча — заумно, может,

иду, а за мной — сойду —

но по тихому ясному небу — плывут облака.

Мы сутра подружились!.. Одно печалит, покой от этого нет и минуты: нас видит, конечно,

сейчас по отдельности, но

компанию нашу не видит никто

почему-то.

Способность к созерцанию в огромной степени «вымыслась» из нашей поэзии, которая публицистически «приравняла перо к штыку», а лирическую грусть свела к депрессии и унынию. К тому же высокое созерцание, как правило, обнимает изменения природы, всё приземлённое не совмещается с заранее взятой приподнятой инто-

нацией. Но стихи Перминова парадоксально включают высокое и низкое в общий поток жизни. И уже потому созерцательный взгляд у него в стихах столь широк и свободен.

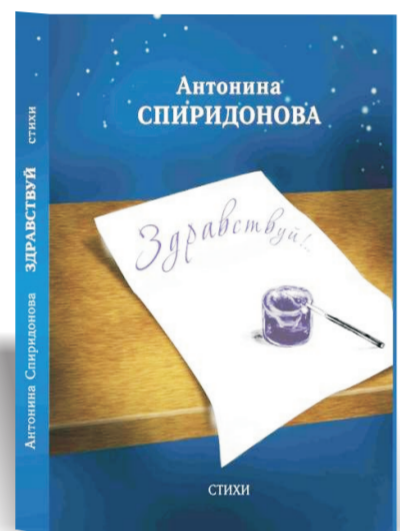
Важно упомянуть и о простоте, демократичности его поэтической речи, которая, на самом деле, с точки зрения версификации, устроена достаточно изощренно. Но интонация, живой голос автора скрывают этот «литературный каркас», и читатель воспринимает безыскусную речь поэта, не подозревая, что подобное обстоятельство, по существу, является свойством отточенного мастерства художника.

Сегодня стиль произведений Юрия Перминова кажется вполне сложившимся и узнаваемым, а творческое расстояние между внешним миром, душой поэта и его рукой — коротким. То есть душа — чутка и отзывчива, а рука — послушна и легка: это свидетельство зрелости таланта, когда ему по силам большие задачи. А русская жизнь не только требовательна к своим художникам, но и наполнена нежной любовью к ним.

Любовью, которая растворена в потоке мгновений — и не подвластна проiscaм тьмы.

Вячеслав ЛЮТЫЙ

В традициях родного края

Самое главное в слове и творчестве Антонины Спиридоновой — абсолютно беззащитная, но очень мудрая и, я бы даже сказал, волевая доброта

Изначальное свойство её лирики — любовь ко всему живому, к окружающей природе. В стихах поэтесса обращается к солнцу,

ветру, дождю и земле родной, использует традиционные фольклорные сравнения, диалектизмы. Её рассуждения, страдания, радости, благодарности родному другу настолько естественны, что невольно подкупают. Со временем стихотворения Антонины Спиридоновой обретают всё большую чёткость и глубину. Посмотрите, как она пишет о женской судьбе:

Ах, берёзонька, девичья рука,
Белая кора — раны чёрные,
Кольхасешь ты моего сынка
Во чужой земле, некрещёного...

Как по льду иду, —
тонкий лёд трещит...
Сгнет на столе тело млеющее...
Не кричит дитя, и душа молчит.
Много лет молчит, что ни делаю.

Но придёт пора,
выгорит кора,
Пропадут слова непрощённые.
Ах, берёзонька, я твоя сестра.
Каж белая — думы чёрные.

Очень пронзительное стихотворение. Сколько неизжитой боли, какое слившееся с миром природы!

Поэтесса в своём творчестве идёт от традиций родного края и народа своего, потому в стихах её нет пустоты, нет

замкнутости, нет желания во чтобы то ни стало во главу всего поставить своё поэтическое «Я», что, к сожалению, присутствует у многих современных и не только молодых поэтов.

По искренности, по красоте, а теперь я скажу и по мастерству, Антонину Спиридонову можно поставить в один ряд с очень известной в своё время поэтессой Людмилой Константиновной Татьяничевой: здесь и невеста, и сестра, и мама, и наша, я не побоюсь возвышенности этого слова, Россия. Вот такая же была известнейшая поэтесса Маргарита Агашина, а среди моего поколения — прекрасная поэтесса Ольга Фокина.

Я убеждён: Антонина Спиридонова идёт божьей тропой. Тропой поэта. Стихи её не навязчивы, а приветливы. Образ её творчества — понятие, близкое и благодарен.

Время, которое Антонина Спиридонова провела на Высших литературных курсах, не прошло зря, оно отточило её слово и технику. Главное, не упустила свою юношескую зоркость, чувствует слово и верна обязательствам перед судьбой и народом, с которым она живёт и действует.

Валентин СОРОКИН
Лауреат премии Ленинского комсомола, Государственной премии РСФСР им. А.М. Горького, Международной премии им. А.М. Шолохова, Всероссийских премий им. Александра Твардовского и Сергея Есенина

Разведка специального назначения

Гладиаторы в Древнем Риме, выходя на пединок, обращаясь к императору, восклицали: «Иду на смерть — приветствую тебя!»

Эта книга посвящается Вальтеру Феретти и всем офицерам спецназа страны, где честь есть выше предательства и смерти. Команданте Вальтер Феретти — создатель и руководитель войск специального назначения Сандинавской армии Никарагуа. Погиб в 1988 году. Обстоятельства трагической гибели Вальтера в автомобильной аварии до сих пор являются загадочными...

В освободительном движении Латинской Америки, направленной против империализма США, в том числе Никарагуанском партизанском освободительном движении, революционеры умирали молча. Каждый из них своей целеустремлённостью и силой духа был космического масштаба и полёта — под стать героям русского народа: Гастелло, Матросову, Космодемьянской, Голыковой... Рядом с никарагуанцами в этой борьбе стояли плечом к плечу и офицеры

спецназа Советского Союза. Молча, без пафоса и лишних слов они делали своё дело. «Без права на славу. Во славу Державы!» Это были такие же «идущие на смерть», не сомневающиеся и не сгибаемые. Их называли: «Разведка специального назначения». Книга Валерия Киселева — это история об одной из командировок офицеров специального назначения КГБ СССР «Вымпел» в Никарагуа. История, которая связывает наши народы в понимании общей борьбы за справедливость, честность и поиск истины. Тогда мы не сомневались: «Вместе мы — сила!»

Автор обстоятельно описал будни прибывшей из СССР группы офицеров специального назначения, их приобщение к культуре народа Латинской Америки, курьёзные случаи, взаимную помощь в борьбе против «контруста»... И дружбу! Дружбу и верность, которая живёт в наших сердцах.

Читайте!
И знайте, что дух того времени неискореним и жив даже сегодня...

Николай СТАРОДЫМОВ

Эта фамилия — одна из самых распространённых в Сибири, и практически всех её обладателей можно назвать своими: при Екатерине II каждому сыновью обрезают уши и при первой паспортизации потомкам оных присваивали фамилию Карнаухова

Впоследствии эту «монаршую милость» в придачу к сылке или к каторге отменили.

В наше время широкую известность фамилия получила за счёт писательской династии: отца Степана Васильевича, матери Тамары Георгиевны и сына Владимира Степановича Карнаухова.

В семье была большая библиотека, и любовь к литературе передавалась от родителей к сыну. Это как раз тот случай, когда природа на делях не отдыхает.

Владимир окончил отделение

Окна в иные миры Владимира Карнаухова

журналистики филфака Иркутского государственного университета. В восьмидесятых годах его статьи и очерки в гремевшей тогда газете «Советская молодёжь», где публиковались Валентин Распутин и Александр Вампилов, имели большой общественный резонанс и охотно перепечатывались центральной прессой.

С боевой журналистики у многих начинался писательский путь. Вот и Карнаухов в 1991 году вступил в Союз писателей СССР. К тому времени многолетняя журналистская практика доставила ему ценнейшие наблюдения. Жизнь постоянно сталкивала с различными человеческими пороками, давала возможность понять природу зла, в том числе и в высших эшелонах власти. Нередко пересекался он с преступным миром, и он был Владимиру не менее интересен, «чем джунгли для биолога или солнечная система для астронома». Он встречал и «благородных» бандитов, и злых гениев, и гениальных злодеев. Отсюда рождались остро сюжетные произведения с неожиданными ситуациями, где писатель раскрывал внутренний мир героев в эпицентре событий противоречивой жизни.

В первую книгу «Солнце не всходит дважды» вошли очерки и рассказы о сотрудниках правоохранительных органов и преступниках. За ней последовали «Взлет», «Время прощаний», «Кто-то должен ждать», «Сухарики к пиву», «Не умирайте с секретаршей Танечкой». Они стали своеобразными предтечами к книге, название которой — «Исход великого шамана» — переключается с жизненным финалом самого автора.

Произведение вышло в свет через несколько месяцев после смерти писателя. А на создание этого художест-

венного полотна ушло более десяти лет. Жанр книги обозначен как «языческая мистика».

Мистика... Да ещё языческая. В наше-то время повышенного интереса ко всякого рода оккультным наукам это — вызов. Тем более что время действия романа — от сотворения мира до наших дней. Причём в финале автор подчёркивает, что «закончилось старозаветное повествование. Новозаветное — не нам слагать».

Что это? Ожидание появления в новом тысячелетии некой религии, которая если и не объединит все прежние, то хотя бы позволит сделать терпимее друг к другу, сблизит их? Например, в собственных подходах к Единому Богу — Творцу, в этом-то сходится большинство религий. Подходу с учётом традиций и жизненного уклада разных народов. Язычество «тундряного народа», в жизнь которого не по своей воле был вовлечён главный герой романа, рядовой преподаватель математики Вадик Ребров, казался бы, отличается многообразием. Тут и Матер-зверь, у которой в подчинении злые духи — каждый со своим именем и «биографией». И шаманка Светлых Духов, воплощение Богини Света и Властительницы Тьмы. И какие-то далёкие боги, которым дела нет до судьбы и страстей мелких людей. И всё-таки — ясное понимание Ребровым, ставшим шаманом Великим и Кровавым, что есть Единый Творец не только земного мира, а всей Вселенной.

Конечно, суть мистери и вызов автора не только в этом. Понятие мистери включает в себя и тайный религиозный обряд в честь божества, к участию в котором допускались только посвящённые, и жанр средневековой драмы — обычно стихотворной — на сю-

жеты из Ветхого или Нового Завета, и средневековое сценическое представление на один из таких сюжетов. И всё это для автора — возможность своеобразно отразить борьбу между добром и злом в наши дни. Изобразить полнее, чем другие, потому что Карнаухов глубоко философски высвечивает двузначность этих понятий, тонкость и сложность взаимопереходов добра во зло и наоборот. Большинство персонажей романа: от академика Стеблепова до тундряного мудреца Кюстэха и простушки Авдотьи, не говоря уже о самом Реброве — рассуждают обо всём таким образом, что понять их можно и так, и не так: это было, а может, не было, но могло быть...

А место действия — не только наша страна, особенно её «тундряная» часть, но весь мир, вся земная цивилизация. Так, женщины-синички, которыми искушает в своей Обители Реброва шаманка Светлых Духов, принадлежат к древней китайской цивилизации, и к негритянской ветви человечества, и к библейской Иудее.

Современников последние десятилетия охватывала тоска по высокохудожественному творению такого жанра. Это как раз тот случай, когда российская земля ещё раз доказала, что наряду с природными богатствами: нефтью, газом, лесом, есть ещё самая большая ценность — человек.

Владимир Карнаухов взял на себя смелость отобразить в наши дни происки не только больших и малых злых духов, но и вселенское зло воплощённое в Уре Дьявола. Именно для борьбы с Уром Дьявола. Именно для борьбы с Уром Дьявола, Матери-бездны, с коей связывают сотворение «тундряного мира», вынуждена благословить посвящение рядового преподавателя математики в ша-

мана Великого и Кровавого. Зло победить злом... Поэтому и предстоит шаману пройти через многие испытания, через большую кровь, быть жестоким и несправедливым, при том, что внутренний стержень его крепнущей души опирается только на добро.

А Уор сначала ходит вроде бы в подручных у хозяина тундры Иннокентия Спиридоновича, чтобы со своими бандитами держать в страхе и подчинении всё население

Спиридоныч, с одной стороны, шибко умный и хороший, с другой, шибко плохой, раньше и сам считался бы шаманом, а теперь — многолетний партийный секретарь, ныне — «секретарь всех партий». Мечтает он и о наследственной власти, потому одна из основных забот — любимая дочка Настя должна родить внука Кешку, «обновить кровь», для чего и нужен «красивый шаман» Вадик. Двойственный, как многое в мистери, образ Спиридоныча даже несколько высветляется в конце, когда он торжественно, ритуально принимает смерть. А вот зловещая роль Уора всё более укрупняется: управлять уже не тундрой, а всем миром. И стоит за ним сила Матери-бездны, которая поглощает и превращает в пустоту всех, кто пыгается с ней сразиться.

Вот с каким противником предстоит решающая схватка Реброву. В ней,

помогая ему, гибнут в Бездне почти все злые духи и даже сама Матер-зверь. А решающий вклад в победу вносят всё же силы добра.

Но ещё один острый конфликт пронизывает мистерию: между шаманкой Светлых Сил, которая увидела в Реброве единственного достойного её любви человека с чистой душой и болью за человечество, и самим Ребровым, не поддавшимся на её искушения, но сохранившим в её честь высокий творческий подвиг художника. А суть конфликта в том, что она пытается устранить отбитый с тьмой, то укравший в созданный ею самой обители из драгоценных камней, то стремясь увлечь за собой любимого и вовне в дальние космические миры. А он и бежит из её обители, и не может ради наслаждения спокойного, вечного счастья с нею покинуть родную землю и народ, ради спасения и благополучия которого вынес столько испытаний.

Об этой книге ещё много будут спорить, изучать своеобразные язык и стили писателя. Ведь эта проза поэтическая — словно камлания подлинных шаманов. Каждое предложение филигранно отработано. Любого из персонажей видишь: они обладают каждый собственным, при всей внешней похожести, языком. Философские споры, неустанные сомнения Реброва в очередном приближении к истине заставляют глубоко вдумываться, сопереживать героям, негодовать против носителей зла, в которых легко угадываются знаковые фигуры политиков, силовиков, олигархов. Главное — роман заставляет задуматься и о смысле жизни, вообще, так сказать, в общечеловеческом плане, и о своём собственном месте в ней.